

*С.Г. КИРДИНА*

## **Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития**

Тип экономики того или иного общества определяется в первую очередь характером базовых экономических институтов. Именно в них хозяйственная практика закрепляет те способы взаимодействия экономических субъектов с конкретной материально-технологической средой, которые позволяют получать наилучший социально-экономический результат. Причем наилучший не для отдельных групп, а для основной массы населения, потому что только тогда сохраняется целостность и непрерывность хозяйственной деятельности всего общества.

При таком понимании можно сказать, что в тех или иных институтах выражаются, закрепляются, существуют и развиваются основные формы экономических взаимодействий каждого конкретного общества. Они различны и многообразны, включают в себя государственное регулирование и биржи, корпорации и государственные предприятия, семейные фирмы и личные подсобные хозяйства, кооперативы и т.д. Но, как правило, типологически выделяются два различных типа экономических институтов, охватывающих все имеющиеся установления экономической жизни, - рыночные и нерыночные. Каждый из них предполагает качественно различные способы размещения и использования хозяйственных общественных ресурсов. При этом общество осуществляет между ними не бинарный выбор по принципу "либо-либо", но выбор между разными комбинациями, сочетаниями элементов обоих полюсов. В этом смысле все существующие экономические системы, по сути, представляют собой смешанные экономики, в которых функционируют и рыночные, и нерыночные экономические институты.

Комбинация и поиск оптимального соотношения этих институтов осуществляются в каждом обществе на протяжении всей истории, в конкурентной борьбе между собой. Только время каждый раз доказывает целесообразность и экономическую эффективность, например, приватизации или национализации той или иной отрасли хозяйства, создания бирж или введения государственного регулирования финансовых и материальных потоков и т.п. Другими словами, рыночные и нерыночные институты находятся в противоречивом единстве, обеспечивая устойчивость экономической системы в целом. В то же время, несмотря на комбинацию в обществе разного рода институтов, сущность и основное содержание институциональной структуры общества, его "институ-

---

*К и р д и н а* Светлана Георгиевна - кандидат экономических наук, докторант Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН.

циональная матрица" определяется теми экономическими отношениями, которые носят господствующий, доминирующий характер.

Что касается экономик с доминированием рыночных институтов, то уже не одно столетие существуют и развиваются концепции, объясняющие законы их функционирования. При этом апологеты рыночной парадигмы склонны рассматривать общества со слабо представленными рыночными институтами как общества, находящиеся на более низкой, "предрыночной" стадии, развивающиеся тем не менее в сторону рынка и по законам рынка. Именно к такому типу обществ принято относить Россию. Однако и практика, и многочисленные научные дискуссии последних лет показывают, что основные положения западной науки, разработанные применительно к анализу соответствующих общественных систем, оказываются порой слабо действенными в российском контексте. Более того, зарубежные ученые сами нередко предостерегают нас от прямого заимствования своих концепций.

"Если исходить из того, что концепция рынка представляет собой общую парадигму западной социальной науки и некий неотъемлемый элемент западной идентификации, то очевидно, что идентификация России в этом контексте достаточно проблематична", - отмечает И. Давыдова [1]. Это, на мой взгляд, связано с принадлежностью России к экономике другого типа с качественно иным характером институциональных связей внутри экономической системы. Однако отечественной экономической наукой до последнего времени не было предложено строгих концепций, раскрывающих объективные экономические законы обществ с доминированием нерыночных институтов. Поэтому так активны представители смежных наук в выдвижении гипотез относительно институционального устройства российской экономики.

Институциональные концепции экономического развития России разрабатываются представителями исторической науки. Характерным примером являются исследования историка Санкт-Петербургского университета Н. Дроздовой, предложившей неоинституциональную концепцию экономической истории России. Она отмечает, что "понятие эффективности функционирования системы нельзя сводить только к рыночным критериям. Система функционирует эффективно, если она достигает поставленных целей с минимальными затратами" [2, с. 693]. В своих исследованиях Дроздова доказывает, что в многовековой истории России достижение целей ее развития достигалось "огромной ролью государственной и коллективной форм по отношению практически ко всем объектам прав собственности" [2, с. 696].

В начале 1990-х годов аналогичные усилия по теоретическому переосмыслению экономической структуры России предпринимаются и в отечественной экономической социологии. В данном случае экономическая социология России, лишь недавно начавшая складываться как самостоятельная научная дисциплина, стоит перед лицом того же вызова, что и новая экономическая социология западных стран. Этот вызов спровоцирован возрастающим критическим отношением как экономистов, так и социологов к существующей экономической теории.

В этих условиях, как отмечает В. Радаев, современная экономическая социология активно реинтерпретирует экономические концепции и категории во все возрастающем числе исследовательских областей. Убедительной иллюстрацией в данном случае служит приводимое им высказывание М. Грановеттера - наиболее значительной фигуры в современной экономико-социологической науке - о том, что "новая экономическая социология куда более склонна утверждать, что социологам есть что сказать о стандартных экономических процессах такого, что дополнило, а в некоторых случаях и заместило бы положения экономической теории. Сегодняшние социологи, отчасти в силу меньшего преклонения перед стандартными экономическими доводами, более нацелены добраться до самого ядра экономической теории" [3]. Подтверждением этой тенденции являются фундаментальные результаты, достигнутые в рамках новосибирской экономико-социологической школы.

Выявление социальных механизмов, регулирующих развитие отечественной экономики, - традиционный объект изучения для новосибирской школы [4], характеризую-

щейся как разработкой вопросов теории, так и углубленными эмпирическими исследованиями. С начала 1990-х годов О. Бессонова в Новосибирске разрабатывает институциональную теорию развития хозяйства России, названную ею концепцией *раздаточной экономики* [5,6]. Эта теория описывает функционирование и развитие экономики российского общества как естественный закономерный процесс развития конкретных экономических институтов, который носит поступательный циклический характер.

Экономика рынка, как известно, развивается на основе законов спроса и предложения, найма рабочей силы, а основным регулятором производства служит норма прибыли. В раздаточном же хозяйстве действуют законы балансировки сдач и раздач, труд носит служебный характер, а критерием эффективности выступает минимизация жалоб населения и всех экономических агентов на сложившийся порядок. Рыночные же отношения носят вспомогательный, дополнительный характер точно так же, как в странах с преобладанием рыночной экономики государственное регулирование - дополнительный инструмент для координации хозяйственного развития. Другими словами, как в рыночной экономике институт государственной собственности действует в рамках и по законам рынка, а государство в его экономической роли выступает как субъект рыночных отношений, так и в раздаточной экономике институт частной собственности, рыночного предпринимательства, всегда существовавший, также является дополнительным, а его функционирование подчиняется основным законам раздаточной экономики и определяется рамками института государственной собственности.

Предложенная концепция раздатка в настоящее время находится в стадии развития, проверки и доказательства. И первый вопрос, который встает в этой связи: почему в России на протяжении всей ее истории доминировали институты не рыночной, а раздаточной экономики, почему приоритетное направление получило развитие общественных, а не частных форм собственности? На мой взгляд, отмеченные особенности институциональной экономической структуры определяются материально-технологическими предпосылками формирования российского государства.

### **" Коммунальность " материально-технологической среды в России**

Пионером в разработке вопроса о связи институциональных изменений с материально-технологическим развитием является К. Маркс, сформулировавший в 1859 году тезис о взаимосвязи производительных сил (под которыми он понимал состояние технологии) и производственных отношений (в составе которых он прежде всего выделял отношения собственности). Поэтому ряд новых институционалистов отмечает его исключительную роль во встраивании технологии в экономическую теорию [7, 8]. В то же время, по словам Д. Норта, в современных теориях вопрос о связи технологии с экономическим процессом, прежде всего с развитием институциональной экономической структуры, до сих пор остается недостаточно изученным.

Другой известный институционалист О. Уильямсон считает технологический детерминизм, распространенный среди представителей неоклассической экономической науки, не столь значимым при выборе рыночных или нерыночных организационных форм и отношений собственности [9, с. 154]. Наиболее существенны для становления тех или иных институциональных механизмов, по его мнению, уровни транзакционных издержек, определяемых в конечном счете характером специфичности активов, задействованных в хозяйственной деятельности [9, с. 70, 71]. В то же время среди основных форм специфичности активов Уильямсон отмечает местоположение и физические характеристики основных фондов [9, с. 167, 689], которые в иных классификациях рассматриваются как материально-технологические условия. Тем самым, пусть и не декларируя этого, Уильямсон все же вводит технологический фактор в процесс выбора институционального способа решения хозяйственной задачи.

Я полагаю, что формирующиеся, а главное закрепляющиеся в обществах институты, прежде всего экономические, представляют собой конкретные социальные

отношения, результат спонтанного поиска разных социальных групп. Они складываются независимо от воли конкретных индивидуумов, инвариантны относительно них. Характер и природа институтов определяются прежде всего материальными условиями, вне которых данные институты не могут существовать. В долговременной исторической ретроспективе сложившиеся экономические институты - наиболее эффективное средство организации национального хозяйства на конкретной территории.

Какие же особенности материальной среды в российском государстве содействовали формированию и преобладанию институтов общественной, а не частной собственности? Почему именно они оказывались конкурентоспособными по отношению к рыночным механизмам?

В рамках институциональной теории описаны условия ведения хозяйства, при которых формируется общая собственность: "Общая (коммунальная) собственность возникает там и тогда, где и когда издержки по спецификации и защите частных прав собственности чрезвычайно высоки. Выгоды же от их установления или равны нулю (если благо имеется в изобилии), или явно меньше затрат, связанных с установлением частных прав собственности" [10, с. 115]. Другими словами, институт общественной собственности формируется в тех условиях, когда он является более эффективным для данного сообщества как целого в решении задач хозяйственного развития.

Обратимся теперь к свойствам материальной среды, в которых осуществлялось хозяйствование в нашем государстве. Уже в X-XI веках, когда русское государство только-только складывалось, просматривается особое свойство основных используемых средств производства (в широком смысле этого слова, включая и природные условия). Оно связано с объективно присущим нашей материальной среде требованием объединения общественных усилий, т.е. усилий всех социальных групп в государстве, для овладения этой средой как средой производственной.

Назовем это свойство *коммунальностью*. "Коммунальность означает такое устройство материально-технологической среды, при котором все ее части представляют единую нерасчленимую систему и не могут быть обособлены без угрозы ее распада" [И, с. 23]. Коммунальная среда может функционировать только как чисто общественное благо, т.е. такое благо, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (быть потреблено) по частям. В России она являлась и является условием выживания всего общества. Именно поэтому содержание экономических и политических институтов российского государства определяется задачами охраны, сохранения и использования коммунальной материально-технологической среды.

Как проявляется коммунальность производственной среды? Сначала она выражается в особенностях хозяйственного ландшафта - исторически первичного условия производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается и применяемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует закон экономии транзакционных издержек, определяющий в конечном счете формирование соответствующих экономических институтов.

В Древней Руси материальную основу коммунальной среды составляла земля, в силу известных характеристик требовавшая общей, совместной защиты и обработки. Неблагоприятный климат в местах расселения славянских племен обусловил специфические технологии обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсечно-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий попеременно на разных этапах работ. Поэтому возделывали землю, как правило, большими семьями или несколькими семьями - всем селением.

Особенности российского климата известны. Если на географической карте провести линию, объединяющую точки, в которых температура воздуха в январе

составляет  $-8^{\circ}\text{C}$ , то мы получим изотерму января, которая и составляет естественно-физическую границу России. На эту особенность и ее значение для направления исторического развития в свое время обращал внимание В. Ключевский. Если сравнить наш климат даже с северными странами Скандинавии и Канадой, то окажется, что в Скандинавии благодаря теплоту Гольфстриму январская температура составляет  $+2^{\circ}\text{C}$ , что означает гораздо более мягкие и менее продолжительные зимы. А самый северный крупный город Канады Эдмонтон находится на широте Курска, и если в Канаде основная часть населения проживает южнее этой границы, то у нас, наоборот, севернее.

Низкая урожайность сельскохозяйственных культур при холодном климате требовала привлечения к обработке гораздо больших площадей, чем в странах Западной Европы. Например, французский аграрий может прокормить семью из 4 человек с 5 гектаров пашни, русскому требуется земли в 6 раз больше [12]. Природно-климатические условия ставили древнерусских земледельцев перед трудноразрешимой задачей, не знакомой европейским крестьянам: почвы нужно обработать много, а сроки проведения сельскохозяйственных работ коротки. Решить ее можно было лишь благодаря объединению значительных масс работников в общине, что позволяло экономить организационно-управленческие трансакционные издержки. Применяемая технология обработки земли в виде подсечно-огневой системы также способствовала закреплению общинных, коллективных форм хозяйства и собственности. Земля как основное средство производства и перспективного выживания представляла собой не тот конкретный участок, который находился сегодня в обработке, а все то пространство, которое нужно было охранять и контролировать общими усилиями. Это и означало коммунальный характер земли, требовало обеспечения в динамике общего доступа к различным ее частям (участкам).

Незакрепленность земельных участков в частную собственность связывалась и с тем, что земледелие на Руси было совершенно неприбыльным (с точки зрения рыночных критериев) занятием. Например, знаток прусского сельского хозяйства А. Гакстгаузен, побывавший в России в 1840-х годах и сделавший выкладки относительно доходности хозяйств в Верхнем Поволжье, заключил свои изыскания следующим советом: "Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе, - лучше всего будет отказаться от подарка, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги" [13]. Это высказывание - заключение независимого эксперта прошлого века о проблематичности фермерской организации хозяйства в условиях России. Элементом коммунальной материальной среды были леса, озера и реки, дававшие значительную часть внутреннего валового продукта. Они с самого начала считались общим достоянием, неделимой коллективной собственностью и на протяжении всей российской истории находились в общем пользовании. К ним можно добавить и систему речных путей и волоков, обеспечивающую внутренние взаимосвязи и выход на заморские рынки.

Рыночные, обменные отношения внутри Русского государства практически не складывались. Есть разные объяснения этому. Так, Ф. Бродель указывал, что в России в условиях огромных расстояний и непроходимых дорог "потери на обмене превысили бы прибыль" [14]. Другим объяснением может служить замечание Ключевского о том, что в первые века нашей истории не заметны хозяйственные различия по почвенным и ботаническим полосам, поэтому во всех зонах развивались аналогичные отрасли: земледелие, звероловство и бортничество. В этих условиях торговый обмен был целесообразен в основном с чужими странами, прежде всего с Византией, куда все российские регионы того времени вывозили летом по речным путям мед, меха, воск. При этом все были заинтересованы в охране речных путей, по которым проходил основной путь "из варяг в греки".

Итак, с самого начала российской государственности можно видеть, что основные условия производства, обеспечивающие выживание русского общества, оказались

единой, неразделимой системой, требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования. Это и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на общественной собственности. В ходе исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России не уменьшалась, а постоянно возрастала. При этом центр тяжести все больше переносился с природной среды на материально-техническую инфраструктуру. Коммунальность осталась характерной для ресурсной среды аграрного производства. На всех этапах российской истории превалировали коллективные формы организации сельскохозяйственного труда, основанные на общественных формах собственности на землю.

Процессы индустриализации в России также осуществлялись преимущественно на основе общественных (казенных, государственных) форм собственности. Свидетельством этого является строительство казенных заводов при Петре I с последующей их передачей в управление промышленникам. Условием передачи являлись гарантированные поставки в казну производимой на этих заводах продукции по указанным ценам и в необходимом для казенных надобностей объеме. Если эти условия не соблюдались, государство изымало предприятия обратно в казну или передавало другому, более эффективному управляющему. Развитие российских железных дорог во второй половине XIX века также в конечном счете стало возможным в результате деятельности государства.

С позиций материалистического понимания истории и институциональной теории очевидно: действия российского государства как основного организатора и собственника не были следствием проявления воли отдельных чиновников или самодержавных амбиций государей. Они были обусловлены свойствами отечественного пространства и материальной среды, хозяйственное использование которых оказывалось более эффективным в едином производственном процессе, позволявшем экономить общественные издержки.

Со временем коммунальность все больше становилась характерной чертой российского народного хозяйства, и прежде всего отраслей, составляющих основу российской экономики, - энергетики, централизованных коммуникаций теплоснабжения, системы железнодорожного транспорта. Это означает, что данные отрасли представляют собой единые технологические комплексы, могут эксплуатироваться только в таком качестве, а их расчленение или технически невозможно, или чрезвычайно дорого.

В современных условиях коммунальность становится характерной не только для отраслей производственной, но и информационной инфраструктуры. Например, на Всероссийском совещании глав региональных государственных телерадиокомпаний (ГТРК) в июне 1998 года была поддержана "стратегия создания единого производственно-технологического комплекса, объединяющего государственные электронные СМИ" [15], которая вызвана к жизни экономической нецелесообразностью создания своих каналов в каждом регионе. При этом ГТРК предполагается преобразовать в федеральные унитарные предприятия и объединить их (с рядом других теле- и радиоканалов) в медиа-холдинг.

Итак, можно видеть, что объективно присущая производственной среде России коммунальность, обусловленная данными ей природно-географическими и геополитическими условиями, вызывает к жизни определенные технологии, как инженерные, так и институциональные. Наша коммунальная материально-технологическая среда является, как показывает исторический опыт, общественным благом и условием выживания и развития всего общества. Невозможность ее расчленения приводит не к появлению множества частных собственников, обеспечивающих эффективное использование такой среды, но к формированию собственника в лице государства, выражающего общественный интерес. Оно создает соответствующую систему управления во главе с центром и определяет общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов.

В то же время коммунальный характер материально-технологической среды не означает необходимость превращения России в одну большую фабрику, о чем в свое

время мечтал В. Ленин. Исторический опыт свидетельствует, что тотальное доминирование только частной или только общественной собственности приводит государства к глубочайшим экономическим кризисам. "Великая депрессия" североамериканских штатов - пример разрушительного действия стихии рынка, не компенсированного институтами общественной собственности и государственного регулирования. Крах советской системы в конце 1980-х годов - не менее драматическая иллюстрация итогов всеобщего огосударствления и попыток полного уничтожения рыночных механизмов. В связи с этим как можно определить содержание и перспективы рыночных реформ в современной России?

### **Перспективы институциональных преобразований**

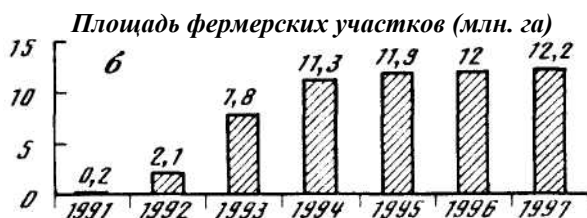
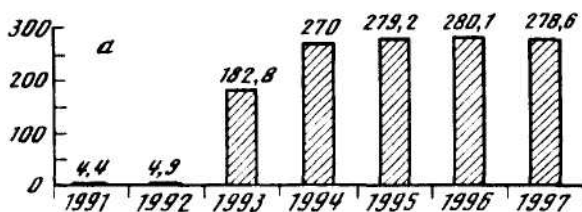
Период современных институциональных преобразований, названный рыночной реформой, содержит в себе два этапа, первый из которых оканчивается, а второй только начинает декларироваться, хотя подспудно его принципы реализовывались практически с самого начала. Задачей первого этапа, начавшегося с конца 1980-х годов, являлась замена институциональной системы, основанной на государственной собственности, системой институтов, базирующихся на частной собственности, или приватизация в широком смысле этого слова. Этот этап характеризовался повсеместным внедрением рыночных институтов западного общества, зачастую безотносительно к природе российского хозяйства и его материально-технологической специфике.

В результате в широких масштабах и в исторически короткие сроки было осуществлено освоение передовых организационно-экономических технологий современной цивилизации и сформирован значительный контингент соответствующих кадров. В этот период происходили интенсивный отбор подходящих и выбраковка неэффективных экономических институтов и управленческих технологий. В то же время по мере разворачивания реформ стали проявляться объективные ограничения приватизации, выражающиеся в том, что в целом она не содействовала росту экономической эффективности. Прежде всего это проявилось в отраслях, в наивысшей степени характеризующихся коммунальностью. Эти отрасли и стали основными бастионами, о которые разбивались полны тотальной рыночной приватизации. В первую очередь к ним относится сельское хозяйство, где так и не был решен вопрос о частной собственности на землю. Мониторинг институциональных преобразований в сельском хозяйстве позволяет выявить прежде всего экономическую, а не политическую причину такого развития событий.

Экономическая целесообразность общественных форм в российском земледелии, обусловленная материальными условиями ведения хозяйства. - существенный аргумент, объясняющий историческую устойчивость этих форм. Наиболее ярко она проявляется в периоды попыток изменения отношений собственности и форм производства в аграрном секторе. Во времена известной аграрной реформы 1906-1907 годов П. Столыпина, несмотря на государственную поддержку желавших выйти из общины крестьян, доля их была относительно невелика. До 1 сентября 1914 года из общин выделилось около одной пятой всех крестьян, причем процесс этот носил затухающий характер [ 16]. По другим данным, подавляющее число домохозяев (74%) на десятом году реформы, а точнее, по состоянию на 1 января 1916 года, оставалось в общине. Причем число домохозяев, укреплявших наделы в личную собственность, в течение данного периода довольно быстро снижалось. Немало вышедших вновь вернулось в общину [17]. На экономическую причину этого указывали исследования, проводившиеся в то время: факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже [18]. Это означало, что в чисто экономическом плане община не изжила себя, и решение о ее ликвидации носило во многом политический характер.

В ходе современных реформ, как и в начале века, распространение индивидуальных фермерских хозяйств не стало таким массовым, как это ожидалось. Достаточно

### Количество фермеров (тыс. человек)



Динамика количества фермеров и площадей обрабатываемых ими участков. Россия, 1991-1997годы

сопоставить два динамических ряда цифр, отражающих развитие фермерства в период с 1991-го по 1997 год (см. рисунок). Видно, что рост сектора фермерского хозяйства, обеспечивающего сегодня в среднем 2% объема сельскохозяйственной продукции страны, практически прекратился, т.е. достиг своего предела.

Другим оселком, на котором проверялась целесообразность тотальной приватизации, явилось жилищно-коммунальное хозяйство. Мониторинг жилищной реформы в городах показал, что в материальном ядре системы, представленном землей под жилыми домами и инженерной инфраструктурой, приватизации практически не произошло. Что касается следующего уровня - жилых домов, связанных общей инженерной инфраструктурой, то здесь приватизация, выражающаяся долей кондоминиумов, составляет менее 1%. Даже в Москве - лидере жилищной приватизации - их доля в 1997 году составляла 0,2% жилого фонда. Уровень приватизации отдельных квартир колеблется в разных городах от 30% до 40%, и его стабилизация означает исчерпание приватизационного потенциала в жилищной сфере. Тем самым стало очевидным, что задача замены государственной системы жилищного хозяйства на рыночную, в которой преобладают частные собственники жилья и частные обслуживающие компании, не была решена. "Тормозом приватизации жилья оказался коммунальный характер обеспечивающей инфраструктуры. При наличии централизованных технологических систем тепло-, водоснабжения, канализации и т.п. невозможно обо-бленное управление содержанием отдельного жилого дома" [19]. Другими словами, глубина приватизации определялась прежде всего технологическими свойствами отрасли и экономической целесообразностью.

Технико-экономический фактор явился решающим и в определении судьбы так называемых естественных монополий. Признанием коммунального характера базовых отраслей производственной инфраструктуры служит изменение государственной политики в отношении РАО ЕЭС. РАО "Газпром" и железных дорог. Борьба с естественными монополиями заменяется программами реструктурирования, учитывающими невозможность их расчленения.

Осознание ограничений приватизации, вытекающее из объективно существующих свойств материально-технологической производственной среды в России, обусловило окончание первого этапа институциональных преобразований и смену задач. Второй этап связан с признанием качественного своеобразия экономической системы России.



базирующейся на коммунальной производственной и социальной инфраструктуре. Это выражается в более сдержанных оценках целесообразности прямых институциональных заимствований из опыта западных стран.

В конце десятилетия центр тяжести постепенно переносится с программ приватизации на выработку эффективных моделей функционирования государственной собственности. С одной стороны, здесь осуществляется поиск эффективной конфигурации общественной собственности, когда определяется принадлежность различных производственных объектов федеральному, региональному или муниципальному уровням государственного управления, с уточнением их прав и ответственности. С другой стороны, идет апробирование и формирование модели управления в виде договоров (контрактов), которая должна заменить экономически неэффективную и социально устаревшую административно-командную модель управления экономикой [19]. Такая управленческая модель получила название договорного, или трансактивного, планирования [20]. В отличие от так называемых встречных планов советской эпохи трансактивное планирование предполагает наличие договора, равноправие контрагентов в отношениях предприятие-государство и конкурс в поиске исполнителя контракта.

Определение структуры государственной собственности и внедрение описанной модели договорного управления - первое направление институциональных преобразований на современном этапе реформ. Другое, не менее важное направление - определение и закрепление ниш для рыночных, частных форм, а также мер государственного регулирования их деятельности. Наличие частных собственников (или коммерческих структур) в отраслях хозяйства составляет важную черту институционального развития российского государства. Только в этом случае возможно сравнение эффектов институтов частной и общественной собственности, предотвращение затратного характера экономики и осознанное совершенствование институциональной экономической структуры. Коммунальный характер материально-технологической среды в России, обосновывающий невозможность тотальной приватизации хозяйства, не снимает задач поиска эффективного сочетания разнообразных форм собственности и развития соответствующих хозяйственных механизмов.

Поиск и закрепление тех или иных институциональных экономических форм осуществляются в ходе их эволюционного развития и конкурентной борьбы, в масштабах исторического времени в материальном и социальном пространстве конкретных обществ. Ни идеологические пожелания величайших ученых, ни революции, ни действия выдающихся политиков не в состоянии переломить эту мощную поступь исторического процесса. Как ни пытался, например, Маркс доказать неизбежность краха капиталистического общества в западных странах и обосновать замену частной собственности общественной, жизнь опровергла его построения. Рынок оказался наиболее адекватным институциональным механизмом для материально-технологических условий этих стран, и эволюция рыночных обществ осуществлялась в рамках доминирования института частной собственности. Открытия Маркса лишь помогли предвидеть последствия стихийного развития рынка и ориентировать общества на выстраивание компенсирующих механизмов. Прежде всего это связано с выделением сфер общественной собственности и распространением государственного регулирования экономики.

В России, напротив, материально-технологическая среда, характеризующаяся коммунальностью, способствовала развитию институтов общественной собственности. Регулярно предпринимаемые попытки полного замещения общественной собственности частной не были успешными. По-видимому, в коммунальной производственной среде эволюция российского общества будет связана с развитием и модернизацией господствующей общественной собственности.

В то же время новейшая история свидетельствует: тотальное доминирование общественной собственности, характерное для советского периода, доказало свою неэффективность точно так же, как в свое время было признано неэффективным развитие рыночных стран без государственного вмешательства в экономику. Поэтому задача нынешней российской реформы - поиск оптимального соотношения между общественными и частными формами собственности при сохранении главенствующей роли государственного сектора. Это объективно обусловлено особенностями комму-нальной материально-технологической среды, сложившейся в России.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Davydova I.* Die Novosibirsker soziologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen social wissenschaftlichen Zentrums // Social Wissenschaft in RuЯland. Bd. 2. Berlin, 1997. S. 167.
2. *Дроздова Н.П.* Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века - 2. М., 1998.
3. *Радаев В.В.* Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997. С. 60.
4. Социальная траектория реформируемой России. Исследования новосибирской эконо-мико-социологической школы. Новосибирск, 1999.
5. *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3.
6. *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.
7. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 168.
8. *Rosenberg N.* Karl Marx on the Economic Role of Science // Journal of Political Economy. 1974. №82.
9. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. Санкт-Петербург, 1996.
10. Основы экономической теории // Вопросы экономики. 1996. № 5.
11. *Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России (Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве). Новосибирск, 1996.
12. *Валянский С, Калюжный Д.* У нас нет лишней земли // НГ-сценарии. 1998. № 4.
13. *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 24.
14. *Бродель Ф.* Время мира. М., 1992. Т. 3. С. 19.
15. *Борейко А.* В медиа-холдинг войдут все // Сегодня. 1998. 11 июня.
16. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 304.
17. *Холодков В.В.* Общинные традиции России // Финансы. 1995. № 6. С. 58.
18. *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 147.
19. *Бессонова О., Кирдина С.* Мониторинг жилищной реформы: от приватизации к новой модели управления // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). 1996. №9. С. 122.
20. *Казанцев Н.М.* Об идее трансактивного планирования российской экономики // Альманах Центра общественных наук. М., 1997. № 3.